

ВОЕННЫЙ СВЯЩЕННИК НИКОЛАЙ РУНКЕВИЧ (1875 – после 1934): СУДЬБА ОДНОГО БЕЛОРУСА

**Иерей
Гордей Щеглов,**

клирик храма святителя
Николая Японского
в г. Минске,
профессор Минской
духовной академии

Среди военного духовенства Российской империи служило немало выходцев из Беларуси. Многие из них за время службы достигали довольно высокого положения: состояли главными священниками действующей армии, настоятелями военных соборов, благочинными, удостаивались высоких церковных и государственных наград. Самый известный из них — протопресвитер Георгий Шавельский, возглавлявший военное и морское духовенство в последние годы существования Российской империи. Сын сельского дьячка, выпускник Витебской духовной семинарии, Шавельский начал свое священническое служение на белорусских приходах. Рано овдовев, продолжил образование в Санкт-Петербургской духовной академии. В 1902 г. поступил на службу в военно-духовное ведомство, став настоятелем Суворовской Кончанской церкви в Петербурге. Так началась его карьера военного священника, сделавшая его одним из известнейших людей России эпохи последнего царствования.

Одновременно с ним службу по военно-духовному ведомству начал другой белорус, Николай Рункевич, которому и посвящен настоящий биографический очерк. Конечно, Рункевич не приобрел такой известности, как Шавельский, тем не менее в среде военного духовенства его знали главным образом благодаря его публикациям.

Рункевич Николай Михайлович родился 8 июля 1875 г. в семье псаломщика Минской епархии¹. Окончил Пинское духовное училище, затем Минскую духовную семинарию (1889–1895). Как лучший выпускник был направлен для продолжения учебы в духовную академию, однако по нездоровью остался дома и в течение года служил псаломщиком при Пинском соборе, состоя одновременно учителем одноклассной церковно-приходской школы. В 1896 г. поступил в С.-Петербургскую духовную академию. Во время учебы написал и опубликовал небольшое исследование под названием «Взгляд католиков на св. Солунских братьев Кирилла и Мефодия и его историческая несостоятельность»².

Академию Николай окончил в 1900 г. пятым в разрядном списке и был удостоен степени кандидата богословия за сочинение «Христианское учение о посте». Еще во время учебы на старших курсах Рункевич одновременно посещал лекции в Петербургском археологическом институте, окончив в нем двухлетний учебный курс (1899–1900)³. После успешной сдачи выпускных экзаменов он получил диплом на звание действительного члена института и специальный нагрудный знак. Следует сказать, что Археологический институт пользовался большой популярностью. Среди его слушателей было немало студентов и выпускников духовной академии, университета и других учебных заведений, представителей духовенства, офицеров, чиновников и пр.

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 806. Оп. 18. Д. 1000. Л.19.

² Рункевич Н. М. Взгляд католиков на св. Солунских братьев Кирилла и Мефодия и его историческая несостоятельность // Минские епархиальные ведомости. — 1898. — № 11. — С. 326–335; № 12. — С. 347–356; № 13. — С. 376–383; № 14. — С. 397–405; № 15. — С. 427–434.

³ Яковлев П. С. Памятная книжка Императорского Археологического института в С.-Петербурге. 1878–1911 гг. — СПб.: тип. В. Д. Смирнова, 1911. — С. 46.

После завершения учебы в духовной академии Рункевич 7 ноября 1900 г. был принят на службу в канцелярию обер-прокурора Святейшего Синода сверх штата. Тогда же ему был присвоен чин коллежского секретаря. Очевидно, Николай Михайлович был включен в резерв кандидатов, подготавливаемых на должности секретарей духовных консисторий. Но, поварившись в канцелярской «кухне», он понял, что эта деятельность не для него, и в конце мая 1901 г. уволился из обер-прокурорской канцелярии. Скорее всего тем же летом Николай Михайлович женился. Супругу его звали Елизавета Гавриловна. 13 сентября того же года его назначили преподавателем библейской и общей церковной истории в Кутаисскую духовную семинарию. Уже будучи в Кутаиси, он подал главе военного и морского духовенства протопресвитеру Александру Желобовскому прошение о зачислении его кандидатом на место полкового священника. 17 января 1902 г. Рункевич был определен на священническую вакансию в новосформированный 5-й Финляндский стрелковый полк. Его иерейская хиротония состоялась 2 марта в Петербурге. Рукополагал Николай Рункевича Гдовский епископ Константин (Булычёв), третий викарий Санкт-Петербургской епархии¹.

После теплой Грузии молодой священник с супругой оказались в холодной Финляндии, где в небольшом губернском городке Санкт-Михель дислоцировался полк. Располагался городок в живописном месте на берегу небольшого озера у подножия довольно крупной возвышенности Савонсельке. Внешне городок выглядел весьма опрятно, имел широкие улицы и был застроен одноэтажными деревянными домами. Всё необходимое для жизни сюда завозилось в основном из Петербурга, от которого до Санкт-Михеля по железной дороге было 363 версты. Поскольку 5-й Финляндский стрелковый полк был только сформирован, Рункевич стал его первым священником.

4 декабря 1902 г. у Рункевичей родилась дочь Нина.

Едва войдя в большое и еще незнакомое сообщество военного духовенства, иерей Николай сразу же включился в полемику о замене полковых церковников из нижних чинов штатными псаломщиками, развернувшуюся в среде военных священников, в том числе и на страницах периодических изданий. Рункевич опубликовал большую заметку под названием «По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках»². Статья эта была напечатана в 19-м номере «Вестника военного духовенства» с редакторской пометкой о том, что протопресвитер просит подведомственное ему духовенство обратить внимание на эту публикацию и высказать по ее поводу свое мнение³.

¹ РГИА. Ф. 806. Оп. 8 (1905 г.). Д. 341. Л. 2 об.

² Рункевич Николай, священник. По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 21. — С. 658–664.

³ Бугославский Иоанн, священник. К вопросу о штатных псаломщиках в воинских частях // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 19. — С. 591–597.

В течение короткого времени на имя протопресвитера Александра Желобовского поступило около десятка отзывов, две трети из которых поддерживало позицию Бугославского. Из сторонников другого взгляда наиболее обстоятельным и выразительным оказался отзыв священника Николая Рункевича, который и был опубликован⁴.

Уже более двух лет эта тема обсуждалась военными священниками, и возникла она в связи с другой насущной проблемой — организацией при военных церквях певческих хоров. Предполагалось, что штатный псаломщик полковой церкви, хороший знаток пения, без особого труда сможет организовать церковный хор⁵.

А что касалось замены церковников штатными псаломщиками, то одна часть военного духовенства с нетерпением ожидала такой реформы, другая — напротив, «как манны небесной» желала, чтобы предполагаемая замена не осуществилась. И дискутируя по этому поводу, каждая сторона приводила свои, как ей казалось, убедительные доводы.

Чтобы понять, в чем состояла суть вопроса, прежде всего обозначим, кто являлся церковником и что входило в круг его обязанностей. Церковником в военном ведомстве именовался один из нестроевых нижних чинов, исполнявший псаломщические обязанности при полковой церкви. Выбирался он, как правило, священником из более грамотных и нравственных унтер-офицеров или рядовых, знающих церковный устав, чтение и пение, обладающих голосом. Назначался на должность приказом командира полка. В обязанности церковника входило поддержание чистоты и порядка в храме, чтение и пение на клиросе, хранение богослужебных книг и церковных нот, приготовление и уборка священных облачений. Церковник также участвовал во всех требоисправлениях, совершаемых в церкви и на квартирах, покупал для литургии вино и просфоры, продавал свечи, собирал по распоряжению офицера-регента певчих, открывал и закрывал церковь. Он же занимался всякого рода бумажной работой: снимал копии с разных предписаний и документов, заполнял исповедные росписи, разносил служебную переписку священника, получал и отправлял почту, приносил из канцелярии приказы по полку и т. д. Находясь в полном распоряжении священника, церковник *de facto* выходил из ведения ротного начальства и числился в роте почти формально, для получения довольствия. За усердную службу и хорошее поведение рядовых церковников, как правило, произвели в унтер-офицеры, в каковом звании они и оканчивали полковую службу. Еще одной, так сказать, привлекательной стороной службы цер-

⁴ Ласкеев Феодор, священник. Братское собрание военного духовенства 18 ноября 1902 года в С.-Петербурге // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 2. — С. 56.

⁵ Столетие Военного министерства. 1802–1902. Т. 13: Управление церквами и православным духовенством военного ведомства: Ист. очерк / сост. протопресвитер А. А. Желобовский; Гл. ред. ген.-лейт. Д. А. Скалон. — СПб.: тип. т-ва М. О. Вольф, 1902. — С. 49.

ковника являлись получаемые им вознаграждения. Известную благодарность в виде угощения он получал в домах, присутствуя при исполнении треб, а в Великом посту — так называемые «записочные».

Нужно сказать, что должность церковника для нижних чинов представлялась весьма привлекательной. Она давала возможность уйти от строгостей строевой службы и казарменной обстановки. Поэтому на место церковника всегда находилось много желающих. Выбор же нового кандидата на это место обычно происходил так. За год или полгода до ухода наличного церковника полковой священник, давая уроки Закона Божьего в учебной команде, начинал присматриваться к обучавшимся нижним чинам и намечал несколько подходящих лиц. Собирал о них справки у ротных командиров и держал намеченных кандидатов в резерве, для выбора из них нового церковника. Некоторые священники поручали самому церковнику подыскивать себе замену, с чем тот обычно успешно справлялся.

Вместе с тем число способных к исполнению обязанностей полкового церковника зависело еще и от региона, в котором дислоцировался полк. Полки, комплектуемые уроженцами крайних северных губерний и Западного края, представляли для выбора церковника контингент солдат менее благоприятный.

Священник Иоанн Бугославский представлял сторону духовенства, которое было категорически против введения штатных псаломщиков, и даже само такое предположение считал неуместным. Обосновывая в статье собственный взгляд по этому вопросу, он прежде всего замечал, что не всякий псаломщик стоит на высоте своего служения. «Кто в настоящее время не знает или не слышал о таких псаломщиках, которые, к соблазну православного простого люда, в костюме велосипедиста подкатывают к церкви на велосипедах или бегут в церковь, помахивая тросточкой и насвистывая разные арии, а в церкви, прислонившись к стене, рассматривают публику, предоставляя читать и петь другим желающим», — писал Бугославский. Далее он приводил еще примеры нерадивого и даже предосудительного отношения псаломщиков к своим обязанностям. Он сомневался в том, что едва ли можно будет найти псаломщика, соответствующего всем необходимым критериям: образованного, имеющего хороший голос, знающего устав, способного организовать хор и пр.

Вместе с тем автор был убежден, что штатные псаломщики не захотят выполнять некоторые обязанности, которые исполняет церковник, например, разносить корреспонденцию или возиться со священническими облачениями.

И еще один, «железный», довод приводил Бугославский. Он указывал, что с появлением штатных псаломщиков неминуемо явятся внутрипричтовые дразги. Если церковник прекрасно понимает, что он как солдат, лицо, подчиненное по отношению к священнику, то псаломщик достаточно независим, может высказывать претензии,

требовать, отказываться. И если с церковником священник находится в мире и согласии, то с псаломщиком могут возникать конфликты, в которые непременно будут втягиваться полковое и духовное начальство. А вслед за этим явятся дознания, расследования и следствия, которые хорошо известны в епархиальном ведомстве и с которыми редко сталкивалось военное духовенство.

«Мы не говорим уже о том, какой значительный расход вызовет содержание штатных псаломщиков и нештатных диаконов, если реформа состоится, — писал в заключение священник Иоанн. — Не лучше ли было бы эти деньги ассигновать на устройство при церквях читален для нижних чинов и улучшение церковных библиотек, а несложные псаломнические обязанности могут с успехом исполнять и церковники, которые с охотой исполняют теперь все черные работы по церкви и даже личные поручения священников. Увеличение церковно-приходских и земских школ дает нам полную надежду, что в хороших церковниках в русской армии никогда недостатка не будет»¹.

В своем отзыве на статью Бугославского священник Николай Рункевич писал: «Хотя я сравнительно еще недавно состою в рядах военного духовенства и не умудрен фактами долговременного опыта, тем не менее, вопреки мнению о. Бугославского, в качестве “зари” более светлого будущего для полковых церквей полагал бы, именно, установление к ним должности штатных псаломщиков»².

По его мнению, хороший церковник, обладающий всеми необходимыми для него качествами, явление далеко не столь обычное, как это представлял Бугославский. Сочетание в одном лице таких качеств, как знание церковного устава, умение читать и петь, хороший голос, можно было встретить среди нижних чинов нечасто. Если даже и встречалось одно или два из этих качеств, то не хватало других. Для примера Рункевич указывал, что его церковник отлично знает богослужебный устав, может прилично читать, достаточно знаком с церковными напевами, но «голоса» не имеет никакого. Старания же Рункевича найти такого церковника, который бы мог петь, ни к чему не привели. Обладавшие хорошим голосом не умели бойко и правильно читать или не были знакомы с уставом. Он также отмечал, что довольно редким исключением является церковник, который мог бы помогать священнику в канцелярской работе: снимать копии, писать исповедные ведомости и пр. Отец Николай делился, что его церковник пишет таким почерком, что не годен даже для того, чтобы подписывать конверты. А если принять во внимание и еще одно необходимое требование к церковнику, чтобы он отличался хорошим

¹ Бугославский Иоанн, священник. К вопросу о штатных псаломщиках в воинских частях // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 19. — С. 592–597.

² Рункевич Николай, священник. По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 21. — С. 658.

и примерным поведением, то, по мнению Рункевича, «не будет преувеличением сказать, что найти церковника со всеми вышеуказанными качествами просто счастье для священника»¹.

Сравнивая церковников с псаломщиками в отношении служебных обязанностей, священник Николай был уверен, что преимущество окажется на стороне последних. По его убеждению, полковая церковь в лице псаломщика получит человека: 1) умеющего хорошо читать и понимающего читаемое, 2) знающего церковный устав, 3) пригодного для канцелярской работы. «Без этих качеств псаломщиков, кажется, не бывает, — писал Рункевич. — Остаются еще “сомнительные” для о. Бугославского качества — обладание голосом и понимание церковного пения. Конечно, весьма было бы желательно, чтобы каждый псаломщик обладал хорошим голосом и мог руководить хором. Но здесь можно заметить, что обладание хорошим голосом не столь существенно необходимо для псаломщика полковой церкви, как понимание церковного пения и умение руководить хором. В полковой церкви псаломщику можно обойтись и без хорошего голоса, потому что в каждом полку можно организовать хор и таким образом избежать необходимости при общественном Богослужении петь одному. Сколько есть регентов, отлично справляющихся с хором, хотя и не обладающих голосом!»²

Учитывая вышесказанное, Рункевич считал, что псаломщиков, вполне удовлетворяющих своему назначению, можно найти для всех полковых церквей и даже иметь определенный выбор. Удовлетворяющий перечисленным качествам псаломщик-регент был бы действительно незаменимым сотрудником и помощником для священника. А для чтения на клиросе можно было бы привлекать способных к тому нижних чинов.

Далее Рункевич подробно разбирал приведенные в статье Бугославского критические замечания в адрес псаломщиков. А затем объяснил, почему псаломщик-регент гораздо предпочтительнее регента-офицера, назначаемого полковым начальством и не имеющего из-за служебных обязанностей достаточного времени, а порой и желания заниматься хором.

Разобрав последовательно все доводы Бугославского, отец Николай в завершение писал: «Итак, проекту о штатных псаломщиках при полковых церквях желаю встретить полное сочувствие в обществе и как можно скорее осуществиться»³.

В качестве постскриптума отец Николай опубликовал недавний приказ командира 5-му Финляндскому стрелковому полку: «Церковник младшего

разряда NN за последнее время несколько раз замечен был в нетрезвом виде. Ввиду того, что названный нижний чин и ранее был не безупречного поведения и мною был назначен в церковники исключительно только благодаря особому ходатайству полкового священника NN, ввиду того, что в полку не оказалось другого нижнего чина, знакомого с церковным уставом, предписываю церковника N отдать под строгий надзор начальства в N роту, каковой учредить за ним капитану N. В город его не увольнять ни под каким видом и даже на богослужение отправлять под надзором. О каждом поступке, совершенном церковником N, командиру N роты докладывать мне лично»⁴.

Комментируя этот приказ, Рункевич сообщал, что до сего времени его церковник находится под надзором. Словно тень, за ним всюду неотступно следует специально приставленный солдат, ни на минуту не упускающий его из виду, даже во время богослужения. И это последнее обстоятельство обескураживало Рункевича, о чем он и высказал свои рассуждения⁵.

Следует сказать, что сам глава военно-духовного ведомства протопресвитер Александр Желобовский ратовал за штатных псаломщиков. В ноябре 1902 г. на очередном Братском собрании военного духовенства в Петербурге он обсуждал этот вопрос. Протопресвитер высказал свое полное одобрение и искреннее желание скорейшего учреждения в войсках должности штатного псаломщика как единственной меры к улучшению церковного пения. Кроме этого, Желобовский брал в расчет и еще очень важный момент. Образованные псаломщики, показав себя на низших должностях церковного служения, на практике познакомившись с военным бытом, с особенностями жизни солдат и офицерского общества, могли бы оказаться наиболее подготовленными кандидатами на должности полковых пастырей⁶.

Рассуждая о причинах нежелания большинства военных священников согласиться на реформу, многие участники Братского собрания высказали, что протест этот «основан на привычке видеть в церковнике крепостного раба и на сознании, что бесконтрольно распоряжаться штатным псаломщиком будет нельзя. Отсюда — предпочтение, оказываемое несведущему церковнику перед образованным псаломщиком, и желание держаться темной рутины»⁷.

Меж тем печатная полемика по этому вопросу продолжалась. С поддержкой Рункевича выступил штабс-капитан Новогеоргиевской крепости Варшавской губернии И. В. Точиский в заметке

¹ Рункевич Николай, священник. По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 21. — С. 659.

² Там же. С. 659–660.

³ Рункевич Николай, священник. По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 21. — С. 660–663.

⁴ Рункевич Николай, священник. По поводу статьи о. Бугославского о штатных псаломщиках // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 21. — С. 663.

⁵ Там же. С. 664.

⁶ Ласкеев Феодор, священник. Братское собрание военного духовенства 18 ноября 1902 года в С.-Петербурге // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 2. — С. 56.

⁷ Там же. С. 58.

«К вопросу о штатных псаломщиках при военных церквях»¹. Спустя некоторое время в том же издании появилась еще одна его заметка — «Несколько слов о штатных псаломщиках из письма на имя редакции “В. В. Д.”», в которой автор вновь подтверждал свою позицию и упоминал Рункевича². А уже в следующей публикации штабс-капитан Точиский делился тем, как назначенный в собор Новогеоргиевской крепости диакон на должности псаломщика организовал прекрасный хор. В связи с этим, хотя пока и единичным случаем, офицер от души поздравлял Рункевича с осуществлением его мысли относительно «полной возможности» одному лицу исполнять обязанности псаломщика и регента³.

Но вместе с тем у отца Николая появилась и масса недоброжелателей в среде военного духовенства, да и среди некоторых офицеров, категорически не разделявших его позиции. В глазах многих молодой и неопытный священник выглядел просто выскочкой. С огульной критикой его статьи в «Вестнике военного духовенства» выступил ктитор и регент церкви 1-го Финляндского стрелкового полка поручик Мечник, а напечатана она была по просьбе полкового командира⁴.

По поводу этой критики Рункевич написал свой ответ, но редакция «Вестника» отказалась его печатать, «считая вопрос о штатных псаломщиках исчерпанным».

Следует заметить, что отец Николай с первых же дней служения в полку старался проявлять активную пастырскую позицию. Вместе с тем он буквально ворвался на страницы «Вестника военного духовенства». Кроме публикации о псаломщиках, молодой священник в течение года осуществил еще шесть публикаций⁵.

¹ Точиский И. В. К вопросу о штатных псаломщиках при военных церквях // Вестник военного духовенства. — 1902. — № 24. — С. 754–756.

² Точиский И. В. Несколько слов о штатных псаломщиках из письма на имя редакции «В. В. Д.» // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 3. — С. 90–92.

³ Точиский И. В. Заметка о церковном пении в военных храмах // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 14. — С. 443–445.

⁴ Мечник, поручик. В защиту военных церковников // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 8. — С. 249–256.

⁵ Рункевич Николай, священник. Речь перед началом лагерного сбора // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 8. — С. 232–234; его же. Торжественное освящение знамени в 5-м Финляндском стрелковом полку // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 13. — С. 404–407; его же. Речь перед освящением знамени, Высочайше дарованного 5-му Финляндскому стрелковому полку. (Смысл и значение воинского знамени) // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 14. — С. 426–430; его же. Речь перед молебном по случаю открытия С.-Михельской русской народной школы 27 августа 1903 г. // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 19. — С. 600–602; его же. Сооружение полкового образа // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 1. — С. 27–28; его же. Речь в день освящения лагерной церкви в г. Вильманстранде 13-го июня 1904 года // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 14. — С. 434–439.

Отец Николай старался. Но опрометчивое опубликование приказа командира полка относительно нетрезвой жизни церковника, помещенное в конце заметки о псаломщиках, обернулось для него большими неприятностями. Командир 5-го Финляндского стрелкового полка полковник Н. Н. Воропанов, судя по всему, не сразу узнал о публикации. Возможно, кто-то обратил на нее его внимание. Хотя полковник не подавал виду, ситуация для отца Николая складывалась не в лучшую сторону.

Ему, очевидно, не стоило публиковать приказ полкового командира без согласования. Уже поручик Мечник в своей публикации намекал на будто бы нерасположение Рункевича к командиру полка, а на публикацию приказа смотрел как «на нарушение общежитейского правила о невыносе сора из избы». Кроме того, и другие обстоятельства неоднократно наводили отца Николая на размышления: правильно ли он поступил с точки зрения служебной этики, обнародовав приказ. Конечно, мы не знаем, как именно складывалась ситуация, но Рункевич вынужден был опубликовать в «Вестнике военного духовенства» оправдания с объяснением мотива своего поступка. В конце он просил прощения у командира полка: «...выражаю свое сожаление, что невольно и косвенно его огорчил, и очень прошу вникнуть в мою точку зрения на изложенный случай и поверить, что целью моей приписки была не оценка его действия, а лишь выражение своего субъективного чувства по поводу применения законов военной дисциплины к лицу, несущему церковные обязанности (церковнику), причем эти законы и случаи их приложения принимаются мною во внимание как моей компетенции совершенно неподлежащие»⁶.

По негласной традиции конфликтная ситуация между полковым командиром и полковым священником обычно разрешалась не в пользу последнего и завершалась переводом в другой полк. Возможно, именно по этой причине священник Николай Рункевич 19 июня 1904-го был переведен в 7-й Финляндский стрелковый полк. Это было относительно неплохое перемещение.

7-й Финляндский, так же как и 5-й Финляндский, сформирован был в 1902 г. Размещался полк в губернском городе Выборге, входившем в состав Великого княжества Финляндского. Иерей Николай назначался на место протоиерея Петра Петровского, перемещенного к Выборгской гарнизонной Петро-Павловской церкви, с званием благочинного неподвижных церквей Финляндского военного округа⁷. В начале июля Рункевич принял у Петровского полковую походную церковь с ее имуществом и документами. Вместе с тем отец Николай стал свидетелем

⁶ Рункевич Николай, священник. Необходимое разъяснение. (Письмо в редакцию) // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 2. — С. 61–64.

⁷ Распоряжения Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 19. — С. 581.

лем трогательного прощания полка со своим старым священником, о чем даже написал заметку¹.

Тем временем на Дальнем Востоке разворачивалась военная драма вокруг Порт-Артура — сначала его обороны, а затем потери. Уходящий 1904 г. омрачился известиями о сдаче гарнизона города и гибели русской эскадры. Это стало тяжелым моральным бременем для многих русских людей.

Начало же 1905 г. ознаменовалось потрясшим русское общество событием, вошедшим в историю под названием Кровавое воскресенье, когда 9 января войска расстреляли мирную демонстрацию петербургских рабочих, направлявшихся к Зимнему дворцу для вручения императору Николаю II коллективной петиции о своих нуждах.

Возможно, именно с этой трагедией было связано совершенно непонятное для нас назначение священника Николая 18 января 1905 г. настоятелем Рождество-Богородицкой церкви в Старое Село Минского уезда². Это был обычный приход, числившийся в епархиальном ведомстве. Формально Рункевич мог уйти из военно-духовного ведомства и поступить на приходское служение в Минскую епархию. Но... Уже 16 февраля он, согласно прошению, был освобожден от настоятельской должности в Старосельском приходе³. Примечательно, что в обоих епархиальных указах отец Николай фигурировал как священник 7-го Финляндского полка. И он действительно вернулся в полк.

Чем можно объяснить это неожиданное назначение на приход, а затем скорое возвращение в полк? Возможно, после известия о расстреле войсками в Петербурге мирного шествия отец Николай, как и многие, потрясенный тем, что в кровопролитии виновны военные, на эмоциях решил порвать с армией и попросился на приход. В скором времени, обдумав всё и переосмыслив, решил всё же вернуться в полк по личной договоренности с протопресвитером. Наше предположение косвенно подтверждает тот факт, что назначение на Старосельский приход не зафиксировано в послужных списках священника Николая.

13 марта начался Великий пост — время говения, исповеди и причащения личного состава. Говели ротами и командами по очереди, распределявшейся на все седмицы поста. Это всегда было особенно трудное время для полковых священников. Своей стационарной церкви 7-й Финляндский стрелковый полк не имел, поэтому приходилось тесниться в небольшой Выборгской гарнизонной церкви, вмещавшей не более 300 человек. В самом начале поста отец Николай опубликовал в «Вестнике военного духовенства» статью под названием

«Война и пост»⁴, в которой на многочисленных примерах из библейской истории показал, как важен пост, особенно в чрезвычайных обстоятельствах, как, например, война или иные бедствия и испытания.

«О, если бы в эти дни Св. Четырдесятницы русский православный народ, потрясенный и измученный обстоятельствами своей общественной и государственной жизни последнего времени, подобно древним ниневитянам и высоким образцам ветхозаветной и древне-христианской истории, обрел в подвиге святого поста средство склонить к себе милосердие и любовь Божию и вынес из него оживление, ободрение и укрепление своих сил к достойному завершению тех исторических задач, которые так неожиданно выступили пред ним во всей своей важности и неотвратимости», — писал в завершение Рункевич.⁵

10 апреля 2-я Финляндская стрелковая бригада, в которую входил и 7-й Финляндский полк, проводила 800 нижних чинов, выделенных из ее состава для пополнения войск на Дальнем Востоке. Из четырех полков бригады были набраны только добровольцы. Сборным пунктом стал город Выборг, где находился штаб бригады. Ее командир генерал-майор К. О. Курганович, понимая важность для христианина церковной молитвы, позаботился о том, чтобы отбывающие на войну нижние чины получали это религиозное утешение. По его просьбе епархиальное начальство предоставило военным одну из церквей Выборга — Никольскую в Хависсах, где отец Николай Рункевич совершил для отправлявшихся на фронт молебен о даровании победы. «Приятно было сознавать, — делился он впечатлением, — что молишься с людьми, сердца которых чувствовали особенную потребность в молитве и для которых самый вид православного храма говорил о чем-то особенно дорогом, напоминал о родине и всем светлом в протекшей жизни». Затем были трогательные проводы на вокзал к эшелонам. «Невыразимо грустным и вместе с тем исполненным высоких патриотических порывов чувством наполняется душа при расставании с людьми, отправляющимися на общественный подвиг, каким является дело наших войск на Дальнем Востоке», — вспоминал отец Николай.

Вместе с тем неудачи Русско-японской войны привели внутри России к революционному взрыву. Общественные волнения частично затронули и армию. В Финляндских полках среди нижних чинов тлело глухое недовольство, ходили разговоры... Определенных усилий потребовалось командирам подразделений, чтобы купировать эти настроения. Немалая заслуга в этом деле принадлежала и священнику Николаю Рункевичу. Своим духовно-нравственным авторитетом, пастырским словом он положительно влиял на нижние чины.

¹ Рункевич Николай, священник. Трогательное прощание полка со своим священником // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 20. — С. 611–614.

² Распоряжения епархиального начальства // Минские епархиальные ведомости. — 1905. — № 3. — С. 26.

³ Распоряжения епархиального начальства // Минские епархиальные ведомости. — 1905. — № 5. — С. 66.

⁴ Рункевич Николай, священник. Война и пост // Вестник военного духовенства. — 1905. — № 6. — С. 171–178.

⁵ Там же. С. 178.

Литературно-публицистическим плодом пастырских увещаний этого времени стала его «Беседа об истинной свободе»¹. Общий смысл ее сводился к тому, что подлинная — духовная — свобода возможна лишь во Христе, Который есть «путь и истина, и жизнь» (Ин. 14. 6). «В дни усиленных стремлений не только образованных, но и простых слоев русского народа к разнообразным видам свободы (слова, печати, собраний, союзов и т. п.), когда о ней мечтают и говорят как о краеугольном камне возрождения и обновления нашего государственного организма, небесполезно напомнить еще об одном виде ее, который имеет существенное значение в процессе “возрождения и обновления” каждого человека, это именно о свободе, которую — по словам святого апостола Павла — “даровал нам Христос” (Галат. 5:1). Именно эта свобода — Христова, евангельская, христианская, свобода от греховного рабства должна быть прежде всего предметом наших дум и забот. Обладание этой свободой сообщит нам печать истинного достоинства, возведет нас на высоту звания христианского и счастьем озарит земную нашу жизнь», — говорил Рункевич².

В этот же период была опубликована еще одна проповедь отца Николая «Поучение на 5-ю заповедь Закона Божия» — о почитании родителей. Рассуждая об этой заповеди Декалога в отношении отца и матери человека, священник обращал внимание и на то, что также нужно чтить и царя как отца всего государства. После царя проповедник поставил духовных пастырей, «которые руководят жизнью нашей души, сообщают нам в таинствах церковных дары Божественной благодати и наставляют нас к честной и трудолюбивой жизни». Далее отец Николай упоминал среди тех, кого необходимо почитать: начальства гражданские и военные, учителей и т. д. Призывал также быть почтительными к старшим по возрасту. Всё это он подкреплял словами из Священного Писания.

«Да напишет же каждый из вас слова этой заповеди в своем сердце и исполнение ее поставит священным для себя долгом, памятуя, что спокойствие и благополучие обитают только там, где живет покорность и послушание: своеволие всегда и везде губительно», — завершал проповедь отец Николай³.

Еще весной того же года отец Николай послал на имя протопресвитера письменный доклад с предложением расширить программу «Вестника военного духовенства», включив в него новый раздел — хроники важнейших событий из жизни военно-духовного ведомства. Рункевич писал, что без этого отдела в издании мало отражается «жизнь и деятельность военно-духовного ведомства с своей обыденной сто-

роны». Идея эта протопресвитером Александром Желобовским была предложена для обсуждения на Братском собрании военного и морского духовенства, проходившем 31 мая в Петербурге. Участники собрания одобрительно встретили эту идею, однако она так и осталась без практического осуществления⁴. На очередном Братском собрании 17 ноября того же года слушалось повторное письменное заявление Рункевича о желательности учреждения в «Вестнике» раздела хроники. На этот раз вопрос, казалось, решился положительно. Протопресвитер предложил священнику Генерального и Главного штаба Павлу Левашову взять на себя труд по ведению этого отдела, на что тот ответил согласием⁵. Однако в ближайшие годы новый раздел в «Вестнике» так и не появился.

В то время, когда Рункевич начал службу в 7-м Финляндском стрелковом полку, как уже говорилось, полк не имел своей стационарной церкви. В Выборге полковые священники бригады по очереди совершали богослужения в гарнизонной церкви, а в летний период во время лагерных сборов близ городка Вильманстранда — в большой лагерной церкви в честь святителя Николая.

Ввиду отсутствия постоянного места для совершения богослужений отец Николай вместе с ктиторм полковой церкви полковником М. Я. Баером составил проект о пристройке к солдатской столовой помещения для устройства в нем временного храма. Одобренный командиром полка проект этот уже был внесен на рассмотрение военно-инженерного ведомства. Тем временем в полк поступил прапорщик запаса А. Г. Александров — глубоко религиозный человек. Когда в Великом посту он столкнулся с тем, какие сложности испытывает полк в своей религиозно-духовной жизни, не имея собственной церкви, Александров решил совместно со своим отцом построить для полка за свой счет деревянную церковь вместимостью до 400 человек. Отец его, почетный гражданин Санкт-Петербурга, был человек состоятельный и известный своей благотворительностью. Вскоре дело постройки полковой церкви получило официальное основание, и уже 15 июля 1905 г. состоялась ее торжественная закладка. Это важное событие в жизни полка священник Николай Рункевич подробно описал в заметке «Закладка церкви 7-го Финляндского стрелкового полка»⁶. Правда, его совместный с полковником Баером проект пристройки к солдатской столовой помещения под церковь сделался неактуальным.

В февральском 4-м номере «Вестника военного духовенства» за 1906 г. вышла статья священника

¹ Рункевич Николай, священник. Беседа об истинной свободе // Вестник военного духовенства. — 1905. — № 22. — С. 677–681.

² Там же. С. 677.

³ Рункевич Николай, священник. Поучение на 5-ю заповедь Закона Божия // Вестник военного духовенства. — 1905. — № 24. — С. 742–745.

⁴ Морев Иоанн, протоиерей. Братское собрание военного духовенства 31-го мая 1905 года // Вестник военного духовенства. — 1905. — № 15. — С. 461.

⁵ Братское собрание военного и морского духовенства в г. С.-Петербурге 17-го ноября 1905 года // Вестник военного духовенства. — 1906. — № 1. — С. 16–17.

⁶ Рункевич Николай, священник. Закладка церкви 7-го Финляндского стрелкового полка // Вестник военного духовенства. — 1905. — № 18. — С. 559–563.

Николая Рункевича «Пастырский элемент в деятельности военного духовенства»¹. Это был отзыв на доклад священника Павла Левашова о современной пастырской деятельности военного духовенства, о некоторых неблагоприятных условиях религиозно-нравственной миссии и средств к их устранению, прочитанный на Братском собрании военного духовенства 17 ноября 1905 г. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь, что Рункевич раскритиковал основные тезисы доклада. Но примечательно другое — это отсылка к Поместному Собору, проведение которого в то время ожидали в конце 1906 или начале 1907 гг. Рункевич считал, что военное духовенство должно сообща, исходя из своего опыта, выработать программу необходимых изменений в служебном положении «в целях сообщения ему характера действительного пастырства по заветам Христовым и апостольским». Отец Николай писал: «Было бы непростительной ошибкой считать служебное положение военного духовенства не требующим никакой реформы и к ожидаемому с трепетом всеми Поместному Собору не предъявить со своей стороны никаких нужд, удовлетворяясь теперешним своим состоянием»². Как видим, Рункевич считал необходимым проведение реформы военно-духовного ведомства. Естественно, он был не одинок, однако далеко не все разделяли подобную точку зрения.

31 июля 1906 г. отец Николай был перемещен на священническую вакансию к Витебской Николаевской военной церкви на место умершего священника Николая Вышелесского³.

Судя по всему, у отца Николая сложились неплохие отношения с личным составом 7-го Финляндского стрелкового полка. Уже после его отъезда из Выборга командир полка полковник В. В. Чернавин попросил редакцию «Вестника военного духовенства» опубликовать отзыв о службе священника Николая Рункевича, считая долгом «принести ему от лица всего полка сердечную признательность за его высокополезную пастырскую деятельность» за время службы в полку.

«В дни мрака и бури, — писал полковник, — порожденной дерзновенной смутой, высокочтимый отец Николай, верный исконным заветам православного духовенства, своим пастырским словом не давал в сердцах пасомого им стада загаснуть светильнику святой веры, любви к родине и преданности Великому Отцу Государю. Глашатай Слова Божия, он высоко держал стяг Высшей Правды и без устали поддерживал источник истинного света во тьме раздора и мятежа, чтобы просветить этим немеркнущим светом разум заблуждающихся,

¹ Рункевич Николай, священник. Пастырский элемент в деятельности военного духовенства // Вестник военного духовенства. — 1906. — № 4. — С. 116–120.

² Там же. С. 120.

³ Распоряжения Протопресвитера. О назначениях и передвижениях священно-церковно-служителей во вторую половину минувшего 1906 г. // Вестник военного духовенства. — 1907. — № 3. — С. 67.

отстранить их от водоворота лжи и обмана и вывести на путь верных, преданных слуг Царя и Отчизны»⁴.

В Витебске отец Николай прослужил совсем недолго. Уже 13 октября 1906 г. он был назначен вторым священником к Ильинской церкви Охтенского порохового завода в Петербурге⁵. Здесь он заведовал библиотекой «книг религиозно-нравственного и патриотического содержания для чтения нижних чинов и местных прихожан», вероятно, которую сам и организовал. Библиотека была устроена отдельно от основной приходской библиотеки и насчитывала в первое время 132 книги и 59 номеров разных духовных журналов⁶.

Уже в первые два года служения Рункевича на Охтенском пороховом заводе в «Вестнике военного духовенства» были опубликованы четыре его проповеди⁷. Но в 1909 и 1910 гг. мы ни одной его публикации не встречаем. Возможно, это было связано с новой нагрузкой. В марте 1907 г. отец Николай стал руководителем Параскевинского общества трезвости при заводской Ильинской церкви. В ноябре того же года он был назначен законоучителем 2-й Пороховской земской школы Петербургского уезда, а в 1908 г. еще и законоучителем низшей Ремесленной школы при Охтенском пороховом заводе⁸.

Меж тем Рункевича встретило новое искушение. В начале апреля 1911 г. в Духовное правление при протопресвитере военного и морского духовенства поступила жалоба от жены штабс-капитана Елены Марцеловны Жуковой с обвинением священника Николая в «открыто-засорной жизни». Глава военно-духовного ведомства протопресвитер Евгений Аквилонев незадолго до этого умер, поэтому делами правления временно занимался протоиерей Иоанн Морев. Реагируя на заявление Жуковой, он предписал благочинному Санкт-Петербургских и Новгородских церквей армейского ведомства протоиерею Григорию Вышеславцеву произвести по этому делу строгое негласное дознание.

⁴ Лестный отзыв о военном священнике. Из приказа по 7-му Финляндскому стрелковому полку // Вестник военного духовенства. — 1906. — № 21. — С. 644–645.

⁵ Распоряжения Протопресвитера. О назначениях и передвижениях священно-церковно-служителей во вторую половину минувшего 1906 г. // Вестник военного духовенства. — 1907. — № 3. — С. 71.

⁶ Кадосов Павел, священник. Репрессированное духовенство Ильинского храма. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://keb.na-lenskoj.ru>. — Дата доступа: 19.04.2024.

⁷ Рункевич Николай, священник. Пост у древних христиан // Вестник военного духовенства. — 1907. — № 5. — С. 136–143; его же. Слово в праздник св. великомученицы Параскевы на Охтенском пороховом заводе. 13-го июля 1907 г. // Вестник военного духовенства. — 1907. — № 16. — С. 486–489; его же. Поучение на 26-е ноября, кавалерский праздник Великомученика Георгия Победоносца // Вестник военного духовенства. — 1907. — № 22. — С. 675–679; его же. Слово, сказанное в храмовой праздник св. пророка Илии на Охтенском пороховом заводе, 20-го июля 1908 года // Вестник военного духовенства. — 1908. — № 17. — С. 522–528.

⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 1000. Л. 20 об. — 21.

Жукова и Рункевич были соседями. Проживали они в Ильинской слободе в двухэтажном казенном доме № 15 — отец Николай с семьей на первом этаже, Жуковы над ними на втором. Конфликт между семьей священника и женой штабс-капитана начался года за три до этого и возник на бытовой почве совместного пользования чердаком, дровами, услугами дворника, общим двором и пр. Со временем отношения еще более обострились из-за неоднократных столкновений госпожи Жуковой с прислугой Рункевичей. Жуковы обычно прислугу не держали, и хозяйственными делами занималась непосредственно Елена Марцеловна. Отец Николай характеризовал ее как женщину очень беспокойную и импульсивную.

Крайней точки конфликт достиг, когда работавшая у Рункевичей прислуга вступила, по заявлению Жуковой, в резкие препирательства с ней из-за пользования услугами дворника, закончившиеся скандалом. Если бы даже подобное и имело место, Елена Марцеловна должна была бы пожаловаться на прислугу Рункевичам, но поскольку Жуковы с ними уже давно не общались, капитанша обратилась с жалобой на самого отца Николая к протопресвитеру Евгению Аквилонovu. Причем обвинила его в безнравственной жизни, видимо, рассчитывая, что священника с семьей переселят. Протопресвитер незамедлительно исследовал дело, вызвав к себе для объяснений священника Николая, его супругу и настоятеля Ильинской церкви протоиерея Арсения Успенского. Ознакомившись со всеми обстоятельствами, протопресвитер пришел к выводу, что конфликт представляет собой всего лишь острые квартирные дразги, а обвинения отца Николая в безнравственных поступках не имеют под собой никакого основания. В утешение Рункевичу протопресвитер сказал, что это для него испытание Божие, которое необходимо перенести с терпением и упованием на лучшее. Супруге же отца Николая посоветовал подать на госпожу Жукову жалобу мировому судье. А чтобы на будущее оградить Рункевича от конфликта с соседями, протопресвитер обратился к начальнику Охтенского порохового завода генерал-лейтенанту А. В. Сухинскому с просьбой переместить штабс-капитана Жукова на другую квартиру. Однако генерал, разузнав, что конфликт обоюдный, решил не занимать чью-либо сторону и, сославшись на отсутствие свободных квартир, оставил семью капитана на прежнем месте.

Госпожа Жукова меж тем не успокаивалась. Узнав, что во время разбирательства прислуга Рункевичей обвинила ее мужа в поступках, унижающих офицерское звание, а саму ее в систематическом хищении казенных дров, стала распространять о священнике Николае грязные слухи. Кроме того, она ездила к Петербургскому градоначальнику с просьбой о выселении прислуги Рункевичей и даже подавала в местное полицейское правление заявление о будто бы готовящемся в их квартире покушении на ее жизнь. А когда протопресвитер Евгений

Ильинская церковь Охтенского порохового завода.
Фото Андрея Агафонова, 1995

Аквилонov умер, подала жалобу о зазорной жизни священника Николая в Духовное правление, рассчитывая на этот раз на иной исход дела¹.

Занимавшийся разбирательством благочинный протоиерей Григорий Вышеславцев получил письменные объяснения и отзывы от разных лиц, в том числе и от фигурантов конфликта. И вот что выяснилось.

Госпожа Жукова в своем объяснении с первых же строк признавалась, что они с мужем не могут указать конкретных фактов «открыто-засорной» жизни священника Рункевича. Вместе с тем она представила в его адрес массу чудовищных обвинений. Так, например, она обвиняла отца Николая в том, что он, будучи в гостях у Жуковых, не стеснялся их юных дочерей, якобы рассказывал о своих любовных похождениях, о письмах, получаемых им от дам сердца и т.д. «Жена его больная, безвольная женщина почти ежедневно приходила к нам в слезах, жалуясь на всевозможные оскорбления и притеснения со стороны ее мужа», — писала Жукова. Капитанша уверяла, что Рункевич своими романами, и особенно каким-то письмом от женщины, довел супругу даже до попытки самоубийства. Якобы та вся в слезах пришла к ней и бросилась на шею, говоря: «Вы добрый человек, возьмите мою дочь на свое попечение, а я, узнав все из этого письма к моему мужу, отравилась», и с этими словами передала письмо. Жуковы страшно перепугались, и капитан вместе с племянником побежали за врачом, который якобы и спас жизнь отравившейся. Рункевич же, по уверению Жуковых, смеялся и говорил, что жена его много раз травилась и топилась. Далее капитанша обвиняла священника в разных неблагоприятных поступках и, в частности, намекала на непонятный статус проживавшей в его квартире портнихи — крестьянки Марии Петровой, жены политического ссыльного крестьянина. При этом Жукова

¹ РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 1, 14 об.—15.

приводила разные домыслы и сплетни, ссылаясь на рассказы дворников. Далее она жаловалась уже почти исключительно на крестьянку Петрову, как злобную, грубую, необузданную женщину, третью их семейство и неоднократно угрожавшую Жуковой убийством¹.

Отец Николай Рункевич на запрос благочинного дать объяснения категорически отверг все обвинения капитанши. Он назвал их по существу мелочными и ничтожными, составляющими исключительно плод воображения обвинительницы, а потому неосновательными и просто лживыми. «Проистекая же из чувств ее личной вражды ко мне и моему семейству, — писал отец Николай, — они безусловно тенденциозны. К сему считаю необходимым прибавить, что для изобличения госпожи Жуковой в клевете на меня я готов был бы прибегнуть к содействию мирового судьи, и что с целью избавить себя во что бы то ни стало от неприязненных и обидных для меня выходок госпожи Жуковой я решил в ближайшем будущем поменяться квартирами, на что и начальник завода изъявил свое согласие»². Забегая вперед, скажем, что протопресвитер посоветовал Рункевичу воздержаться от личного обращения к мировому судье.

Супруга отца Николая Елизавета Гавриловна также отвергла все обвинения в адрес ее мужа. Она рассказала, что в первое время проживания на Пороховых она поначалу была в дружеских отношениях с госпожой Жуковой. Но отношения стали портиться, когда Елизавета Гавриловна заметила, что Жукова, пользуясь ее простодушием и доверчивостью, стала самостоятельно распоряжаться в квартире Рункевичей: делать выговоры прислуге, ругать ее и вообще слишком много себе позволять. Елизавета Гавриловна также заметила, что капитанша стала кокетничать с ее мужем, являться к ним в квартиру небрежно одетой, в открытых платьях, нарочно заводила разговоры о любви, об ухаживаниях и заканчивала всякими пошлостями. Елизавета Гавриловна также свидетельствовала, что каких-либо писем, ее огорчавших, муж ни от кого не получал, на любовные похождения он не способен и ведет себя всегда скромно и корректно. За поведением своей прислуги Елизавета Гавриловна следила сама и признаков какой-либо распущенности не замечала. Также и о портнихе Петровой ничего худого сказать не могла³.

Начальник завода генерал-лейтенант А. В. Сухинский в своем отзыве о священнике Николае свидетельствовал, что все служебные обязанности тот исполняет всегда «с полным усердием и безукоризненно». Никаких жалоб на священнослужителя он никогда не получал, а, напротив, неоднократно слышал одобрительные отзывы о его содержательных и красноречивых проповедях. Поэтому ничего, кроме хорошего, о Рункевиче он сказать не мог. Относи-

тельно же нравственных его качеств генералу было известно лишь то, «что он ведет строгий, приличествующий его священническому сану образ жизни; не только не ищет каких-либо светских развлечений, но даже и знакомств никаких не имеет и ведет жизнь замкнутую; среди прихожан пользуется должным уважением и заботится об отвращении рабочих от пьянства»⁴.

Относительно же якобы безнравственной жизни священника Николая генерал провел собственное расследование и пришел к выводу, что неприязненные отношения между Жуковыми и Рункевичами сложились из множества обыденных и мелочных столкновений на почве общих хозяйственных интересов и что ни с той, ни с другой стороны не было совершено проступков, «за которые можно было бы подвергнуть кого-либо соответствующему взысканию». Ввиду этого генерал не находил возможным требовать от какого-либо семейства переселиться на другую квартиру. Меж тем Рункевич сам, как уже говорилось, попросил начальника завода переселить его в другое жилье. Отцу Николаю было предложено на выбор две квартиры, но ни одна из них ему не подошла, поэтому он с семьей остался в прежней⁵.

Настоятель Ильинской церкви, в которой служил Рункевич, протоиерей Артемий Успенский также ничего дурного о нем сказать не мог.

Итак, картина была ясна. Выносить решение пришлось уже новому протопресвитеру Георгию Шавельскому. Дело священника Николая слушалось в Духовном правлении 9 августа, и в результате было принято решение жалобу Жуковой оставить без последствий⁶.

Интересно, что именно благодаря этой истории мы узнали некоторые подробности жизни семьи Рункевича и его личностные характеристики, услышали прекрасные отзывы о нем со стороны военного и духовного начальства. Таким образом, эта история ярче выявила положительные качества отца Николая, по слову поэта А. Н. Майкова: «Чем ночь темней, тем ярче звезды».

Спустя год или больше в семье Рункевича родилась дочь Мария, а супруга его Елизавета Гавриловна вскоре скончалась.

Возвращаясь к публицистической деятельности отца Николая, прежде отметим некоторые изменения, которые произошли в официальном печатном органе военно-духовного ведомства «Вестнике военного духовенства». С начала 1911 г. он стал издаваться под названием «Вестник военного и морского духовенства» и по несколько измененной программе. В частности, появился раздел «Хроники», за который некогда так ратовал священник Николай Рункевич. Редакцию издания возглавил протоиерей Иоанн Морев. В первый год выхода обновленного журнала Рун-

¹ РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 8–13.

² РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 15.

³ РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 26–26 об.

⁴ РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 5–5 об.

⁵ РГИА. Ф. 806 Оп. 5 Д. 7671. Л. 7–7 об.

⁶ Там же. Л. 27.

кевич опубликовал в нем сразу несколько статей: «Воздержание как основа добродетельной жизни. (По св.-отеческому учению)»¹, «Истинный пост. (По св.-отеческому учению)»² и «Пророк националист»³.

Нужно отметить, что за годы служения в военном духовном ведомстве отец Николай по количеству публикаций в «Вестнике военного духовенства» мог сравниться с такими плодовитыми авторами, как протоиерей Георгий Шавельский и штабс-капитан И. В. Точиский, священники Василий Ягодин и Константин Введенский, протоиереи Иоанн Бугославский, Иоанн Яроцкий, Иоанн Морев. Но не всегда литературная активность Рункевича встречала отклик со стороны редакции.

С декабря 1911 г. редактором «Вестника» стал протоиерей Евгений Запольский. Прошел год, а в журнале не появилось ни одной публикации Рункевича, хотя он присылал в редакцию рукописи. В конце 1912 г. редактор ответил ему: «Все Ваши рукописи получены, и при случае мы постараемся воспользоваться ими обязательно»⁴. Но, похоже, это была отписка. В следующем году тоже ни одной публикации Рункевича не появилось. Последней его публикацией стало «Слово в праздник «Ильинской Пятницы» на Охтенском пороховом заводе»⁵, напечатанное в 1914 г.

2 октября 1914 г. отец Николай был назначен священником к церкви святителя Николая при Балтийском механическом и судостроительном заводе⁶. В связи с этим он переехал с детьми на Васильевский остров, поселившись в доме № 16 на улице Косая.

В июле 1915 г. священнику Николаю Рункевичу был пожалован наперсный крест от Святейшего Синода⁷. Из церковных наград к этому времени он уже имел набедренник, скуфью и камилавку. В 1917 г. он получил знак отличия 15-летней беспорочной службы⁸. Это, кажется, была его послед-

няя награда. Близились другие времена и большие испытания.

Мировая война, затем революция и разгорающаяся Гражданская война подорвали экономику бывшей Российской империи. Петроград пережил тяжелую голодную зиму 1917–1918 гг. Тогда Всероссийский союз городов совместно с Народным комиссариатом просвещения взял на себя заботу об устройстве летних питательных колоний для истощенных недоеданием детей Петрограда — мальчиков и девочек разного возраста из гимназий, реальных и коммерческих училищ, городских и пригородных пансионов. Их отправляли в разные районы страны, туда, где еще хватало продовольствия и обстановка была относительно спокойной.

В одну из таких питательных колоний решил отправить своих дочерей Нину, ученицу старших классов гимназии, и пятилетнюю Машу отец Николай Рункевич⁹. Девочки покинули Петроград 18 мая в составе 475 детей так называемой Первой питательной колонии, направлявшейся в сторону Урала. В тот день ни родители, ни дети не подозревали, что, расставаясь на три летних месяца, они не увидят друг друга несколько лет.

Лето дети Первой колонии провели в городке Миасс Оренбургской губернии. Но по причине приближения боевых действий Гражданской войны их в конце августа 1918 г. перевезли сперва в Тургояк, а затем в Петропавловск Омской области. В это время петроградская детская колония поступила под покровительство и на обеспечение Американского Красного Креста. Всё дальше и дальше судьба угоняла детей от родного города. Спустя год колонистов по Транссибирской железной дороге перевезли во Владивосток. Но оттуда в июле 1920-го под давлением обстоятельств их вывезли в Японию на борту японского сухогруза «Йомей Мару». Затем на том же судне через Сан-Франциско и Панамский канал детей привезли в Нью-Йорк. Изначально Американский Красный Крест планировал доставить их во Францию и уже там решать их дальнейшую судьбу. Но категоричные заявления колонистов, а также требования советского представителя и пресса вынудили Американский Красный Крест отправить детей в Петроград. Войдя в Балтийское море, корабль из-за мин в Финском заливе пришвартовался в Гельсингфорсе в порту Койвисто. В Финляндии детей разместили в поселке Халила, откуда они спустя три месяца группами к январю 1921 г. все были переправлены в Петроград. Об этой удивительной эпопее написано немало книг, снято фильмов, устроено памятных выставок. Сохранились воспоминания и самих участников этой истории, среди которых есть рассказ Нины Рункевич о жизни колонистов в Петропавловске.

Отец Николай был безмерно рад возвращению дочерей. За два с половиной года разлуки, практи-

¹ Рункевич Николай, священник. Воздержание как основа добродетельной жизни. (По св.-отеческому учению) // Вестник военного и морского духовенства. — 1911. — № 5. — С. 138–145.

² Рункевич Николай, священник. Истинный пост. (По св.-отеческому учению) // Вестник военного и морского духовенства. — 1911. — № 6. — С. 172–179; № 7. — С. 213–218.

³ Рункевич Николай, священник. Пророк националист // Вестник военного и морского духовенства. — 1911. — № 14. — С. 436–441.

⁴ От редакции // Вестник военного и морского духовенства. — 1912. — № 23. — С. 827.

⁵ Рункевич Николай, священник. Слово в праздник «Ильинской Пятницы» на Охтенском пороховом заводе // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 17. — С. 603–606.

⁶ Приказы по ведомству Протопресвитера военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. — 1914. — № 21. — С. 728.

⁷ Высочайшие награды по ведомству военного и морского духовенства // Вестник военного и морского духовенства. — 1915. — № 21. — С. 642.

⁸ РГИА. Ф. 806. Оп. 18. Д. 1000. Л. 20 об.—21 об.

⁹ Амелина К. Воспоминания Ксении Амелиной, жительницы Выборгского района. — СПб.: Изд. ВМедА, 2004. — С. 1.

Нина Рункевич. Фото 1918–1920 гг.

чески не имея о них никаких сведений, он пережил немало тревог и тягостных дум. Вместе с тем за это время много перемен произошло и в его жизни.

После Октябрьской революции положение Русской Православной Церкви кардинально изменилось: из покровительствуемой со стороны государства она стала преследуемой. 20 октября 1918 г. церковь при Балтийском механическом и судостроительном заводе, в которой служил Рункевич, согласно постановлению заводского исполнительного комитета, была закрыта.

Оставшись без места, отец Николай в начале декабря того же года обратился с прошением в Петроградский епархиальный совет с просьбой предоставить ему новое место служения. Но, ничего не получив, он 5 апреля 1919 г. подал заявление в 1-е Петроградское отделение IV секции Единого государственного архивного фонда с предложением своих услуг «в качестве работника по архивному делу», которое изучал в Археологическом институте. «Хочется получить постоянную должность, — писал он. — Надеюсь, что мой сан (священника) не может составить для этого препятствие; одежду же ношу штатскую и теперь»¹. Получить место в архиве ему, однако, не удалось за неимением свободных вакансий².

В том же году Петроградский епархиальный совет всё же предоставил Рункевичу священническое место при церкви Живоначальной Троицы подворья Леснинского Богородицкого женского монастыря Холмской епархии, располагавшейся на Черной речке. После возвращения дочерей для отца Николая наступило относительно спокойное время. Старшая дочь Нина, так и не закончив гимназию, выучилась на медика. Младшая Мария училась

в советской школе и впоследствии, кажется, стала профсоюзным работником. Дочери жили уже своей жизнью, в новых реалиях формирующегося советского общества. И хотя сами они вполне благополучно встроились в эти реалии, всё же репрессивная машина советского государства не обошла стороной их семью, что, в общем-то, было почти неизбежно.

1 ноября 1929 г. священника Николая арестовали, и 5 февраля 1930 г. он был приговорен к трехлетнему лагерному заключению. Срок отбывал в Соловецком лагере особого назначения. После окончания заключения он с 1934 г. находился в ссылке в Алма-Ате, где погиб при неизвестных обстоятельствах³.

Так трагически завершился жизненный путь священника Николая Рункевича, как, впрочем, и многих в то время священнослужителей.

Что сказать в заключение? Пересматриваешь вновь номера «Вестника военного духовенства», вот заметка «Торжественное освящение знамени в 5-м Финляндском стрелковом полку» священника Николая Рункевича⁴. А вот его же «Речь перед молебном по случаю открытия Санкт-Михельской русской народной школы 27 августа 1903 г.»⁵. Вот еще — «Сооружение полкового образа»⁶. И еще, и еще, и еще. Но до недавнего времени мы понятия не имели, кто этот священник, а теперь перед нами реальный человек. Мы знаем, когда и где он родился, какое получил образование, когда принял сан, где совершал пастырское служение, какие перенес испытания, как завершилась его жизнь.

Да, затерялись следы его в далеком Казахстане, а останки покоятся где-то в безвестной могиле. И не было иерейского чина погребения, панихид, трогательных речей у гроба, некролога или хотя бы краткой заметки и, скорее всего, даже креста на могиле. Пусть тогда настоящий очерк восполнит всё это и станет данью памяти о нашем земляке — священнике Николае Рункевиче. И, может, кто-нибудь из собратий-иереев, прочитав этот очерк, вздохнет молитвенно о нем у жертвенника Божия, и будет утешение душе его.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помяни о упокоении и оставлении грехов душу усопшего раба Твоего иерея Николая и прости ему всякое согрешение, вольное и невольное, и даруй ему Царствие Небесное и нас помилуй, яко Благ и Человеколюбец! Аминь.

³ Санкт-Петербургский мартиролог духовенства и мирян. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.petergen.com>. — Дата доступа: 10.05.2024.

⁴ Рункевич Николай, священник. Торжественное освящение знамени в 5-м Финляндском стрелковом полку // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 13. — С. 404–407.

⁵ Рункевич Николай, священник. Речь перед молебном по случаю открытия С.-Михельской русской народной школы 27 августа 1903 г. // Вестник военного духовенства. — 1903. — № 19. — С. 600–602.

⁶ Рункевич Николай, священник. Сооружение полкового образа // Вестник военного духовенства. — 1904. — № 1. — С. 27–28.

¹ РГИА. Ф. Архив архива. Оп. 1. Д. 260. Л. 2.

² Там же. Л. 3.